

Л. ЛАГИН

Патент «АВ»

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л14

Лагин, Лазарь Иосифович.

Л14 Патент «АВ» : [роман] / Лазарь Иосифович Лагин. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 350 [2] с.

ISBN 978-5-17-173022-2 (С.: «Русская классика»)
Серийное оформление *А. Кудрявцева*

«Патент «АВ» — фантастический роман, написанный Лазарем Лагиным в 1946 году. Ученый Стивен Попф разрабатывает эликсир, способный ускорить рост животных и растений. С его помощью в вымышленном государстве Аржантайе будут бороться с бедностью и голодом. Новость о невероятном научном открытии расползается по стране, и жадный Примо Падреле планирует присвоить себе эликсир любым законным и незаконным способом — он поможет Падреле не только разбогатеть, но и создать послушную армию взрослых людей с сознанием ребенка.

Для широкого круга читателей

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лагин Л. И., насл., 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая,

дающая некоторые предварительные пояснения

Мой письменный стол стоит у самого окна. Я пишу и вижу, как на перекрестке, на углу Благовещенского переулка, несколько прохожих читают наклеенную на сером дощатом заборе газету. Дальше на фоне хмурого зимнего неба высятся кирпичные, еще не облицованные новые дома Большой Садовой. Изредка по тротуарам переулка проходят неслышным шагом пешеходы, зябко подняв воротники. Совсем редко прогрехочет грузовик, и снова наступает тишина. Лениво падает сухой снежок...

Но стоит мне только задуматься, и я снова вижу знойные улицы далекого Бакбука, кружевные мосты и необъятные причалы Города Больших Жаб — главного торгового порта и столицы Аржантейской республики. Снова передо мной проходят герои моего повествования. Некоторых из них я люблю, других не только люблю, но и уважаю, к иным отношусь с презрением, иных ненавижу. Но обо всех них я собираюсь писать правду и только правду.

Пусть читатели не посетуют на меня за то, что я утаю фамилию и профессию человека, посвятившего меня в подробности удивительной истории доктора Попфа и его изобретения. Я не вправе рисковать судьбой смелого и бескорыстного человека. Публикуя свою рукопись, я навсегда отрезаю себе возможность вторично побывать в Аржантейе.

Тамошнее военное министерство, не говоря уже о господине Примо Падреле и некоторых других весьма влиятельных персонах, примет, конечно, все меры, чтобы не допустить меня туда. Очень может быть, что кому-нибудь придут в голову и более агрессивные мысли в отношении автора этого повествования. Но я знаю, на что иду. Знаю...

Глава вторая,

доктор Стифен Попф прибывает в Бакбук

Несколько слов о погоде, стоявшей в Бакбуке в этот день. Через некоторое время при обстоятельствах, которые станут известны читателю, кое-кто пытался найти в ней грозные знамения, предвещавшие все, что произошло в этом городе несколько месяцев спустя.

Действительно, на протяжении трех суток, предшествовавших переезду четы Попфов в Бакбук, дождь лил, как из бочки. Потом дождь прекратился, но небо оставалось покрыто сплошными низкими тучами, которые плотно, как будто навсегда, приросли к угрюмому горизонту. Изредка доносился отдаленный грохот грома, бледные зарницы вспыхивали над западной окраиной города. Было душно, как в прачечной.

Однако авторы невежественной и неискренней болтовни об этих дурацких предзнаменованиях забывают, что как раз к шести часам вечера неожиданно подул ветерок и тучи стали быстро расходиться. Оранжевые потоки солнечных лучей хлынули на Бакбук, и на фоне пламеневшего заката экспресс, которым прибыли Стифен и Береника Попф, промелькнул точеным игрушечным силуэтом. В городе стало светло, свежо и празднично.

Минут через пятнадцать к запертому коттеджу покойного доктора Прадо подкатила наемная машина. Из нее вышли двое: коренастый мужчина лет тридцати двух в серой шляпе, сдвинутой на затылок, и стройная, пышноволосяя брюнетка

с миловидным, но незначительным лицом. На вид ей можно было дать не больше двадцати двух лет, хотя на самом деле ей уже пошел двадцать шестой. Мужчина рассчитался с шофером, который помог ему внести в коттедж несколько объемистых, но неказистых чемоданов. Затем он приподнял шляпу, с шутливой, преувеличенной галантностью предложил руку своей даме и, видимо бодрясь, промолвил:

— Прошу вас, сударыня, проследовать в свой небоскреб.

То ли сударыня не понимала шуток, то ли она не была расположена поддерживать шутливую беседу, но вместо ответа она только глубоко вздохнула.

— Ничего, старушка, — продолжал, не унывая, ее спутник, — превосходный домик и как будто неплохие соседи.

Из этих слов читателю легко заключить, что вновь бывшие состояли между собой в законном браке. К этой же вполне правильной мысли пришла и супруга аптекаря Бамболи. Аптека находилась как раз напротив дома покойного Прадо.

Мадам Бамболи некоторое время с интересом наблюдала за тем, как новые обитатели этого дома осматривали его снаружи, а потом подозвала своего супруга, возившегося около стойки.

— Посмотри-ка, Морг, вот они наконец и приехали.

Она помолчала несколько мгновений и с видимым осуждением добавила:

— Вот уж никогда бы не подумала, что столичные дамы так выглядят!

Господин Морг Бамболи, которого положение обязывало к солидности и вдумчивости, ответил не сразу, но веско:

— Да и он, признаться, смахивает не столько на доктора, сколько на грузчика.

Супруги удовлетворенно засмеялись.

Было бы, однако, несправедливо делать на основании этих реплик вывод, что супруги Бамболи ощутили внезапную неприязнь к своим новым соседям. Правда, аптекарше было бы куда приятней, если бы жена доктора Попфа бы-

ла постарше и — как бы это сказать помягче? — хоть чуточку некрасивей; что же касается господина Бамболи, то он всегда завидовал счастливым обладателям докторского диплома. Но, отдав дань этим своим чувствам, господин и госпожа Бамболи согласились, что все же доктор с женой, по-видимому, вполне достойные люди.

При обсуждении этого ответственного решения они вышли на крыльцо аптеки и были замечены доктором Попфом. Доктор счел необходимым приподнять свою шляпу, и первый обмен приветствиями между соседями состоялся.

Выждав для приличия несколько часов, аптекарь постучал в дверь коттеджа доктора Попфа.

— Я имею честь быть вашим ближайшим соседом, — учтиво сказал он доктору, открывшему ему дверь, — и считаю своим приятным долгом осведомиться, не смогу ли я быть вам чем-нибудь полезен.

Аптекарь остался доволен изысканной четкостью и прекрасным слогом своей краткой речи, и его бледное лицо слегка порозовело, приятно оттенив небольшие голубые глаза.

В комнате, куда доктор, извинившись за царивший в ней беспорядок, пригласил незваного гостя, стояли полураспакованные деревянные ящики, столы были загромождены множеством колбочек, реторт и тому подобного лабораторного оборудования. Это навело аптекаря на тревожные мысли: не собирается ли новый доктор отбивать у него хлеб, собственноручно изготавливая лекарства для своих пациентов?

Несколько секунд они оба помолчали, внимательно изучая друг друга.

Доктор Попф, широкоплечий, спортивного склада, сероглазый шатен, с открытым и в то же время чуть лукавым лицом, был примерно одного роста с Бамболи, но казался ниже его. Это объяснялось поистине необыкновенной худобой аптекаря. Непомерно длинные ноги, почти такие же длинные руки, длинное бледное лицо и длинные пря-

мые пепельные волосы, спускавшиеся редкими прядями на покрытый преждевременными морщинами лоб, — все это делало господина Бамболи почти уродливым, если бы не выражение искреннего доброжелательства, никогда не сходявшее с его лица.

— Вы очень удачно выбрали именно наш город, — прервал он наконец молчание. — Бакбуку предстоит великое будущее. Цены на Землю все время растут.

Меньше всего помышлявший о спекуляции земельными участками, доктор все же счел целесообразным прикинуться приятно удивленным.

— И потом, доктор, вам, конечно, повезло с домом, — продолжал аптекарь, — очень сухой, очень теплый, много воздуха и, прошу прощения, ни одной крысы.

— Это не так уж страшно, — оптимистически отозвался доктор, — этого добра, надеюсь, здесь можно купить сколько угодно.

— Вы это насчет домов? — осторожно осведомился господин Бамболи.

— Нет, — ответил Попф, — насчет крыс.

Глава третья,

*в которой доктор Попф рассказывает аптекарю
о себе ровно столько, сколько считает целесообразным*

— Да, да, насчет крыс, — подтвердил доктор Попф, увидев недоумевающее лицо аптекаря.

И, как ни мало он разбирался в людях, он все-таки понял, что необходимо тотчас же объяснить господину Бамболи, зачем ему нужны крысы, и заодно уж рассказать более или менее подробно о себе. Потому что нет ничего хуже, чем держать обывателя в неведении насчет интересующего его события или человека. Обыватель в таком случае начинает выдумывать, свои домыслы выдает за факты, под величайшим секретом рассказывает их своим знакомым, и

через какие-нибудь два дня весь город кишит сплетнями, как гнилая вода бактериями.

Поэтому доктор Попф счел целесообразным, чтобы аптекарь Бамболи получил более или менее полную и уж во всяком случае правдивую информацию.

— Крысы, дорогой господин Бамболи, мне нужны для работы, — начал доктор Попф, усевшись на краешек стола. — В свободное время я занимаюсь кое-какой исследовательской работой, и для этого мне нужны крысы.

— Вы их режете? — понимающе кивнул головой аптекарь.

— Изредка. Вы, конечно, осведомлены о том, что такое гипофиз?

— Сударь, — с достоинством промолвил господин Бамболи, — я фармацевт.

— Словом, — продолжал доктор, — для работы мне нужны крысы. И не только крысы. До зарезу нужна тишина и свободное время, нужно, чтобы каждый вечер не морочили тебе голову знакомые и чтобы не приходилось все время думать о заработке. Мы потолковали с Береникой (это моя жена) и решили, что нет для нас более подходящего города, нежели Бакбук.

О том, что он — сын редактора провинциальной газеты, а Береника — единственная дочь почтенного профессора литературы, что они оба терпеть не могут политики, что они уже пятый год женаты, что у них нет детей, о чем они страшно сожалеют, и о многом другом, что могло интересовать обывателей Бакбука, доктор Попф ухитрился очень ловко рассказать вскользь, между прочим, не заставляя Бамболи задавать наводящие вопросы.

Было уже довольно поздно, когда аптекарь, вполне удовлетворенный своим визитом, откланялся и вернулся домой, где его ждала жена, изнемогавшая от любопытства.

А доктор Попф, весело посвистывая, направился в спальню, где застал Беренику плакавшей, уткнувшись лицом в подушку.

— Что с тобой, старушка? — всполошился доктор Попф. — Ты заболела?

— Я не хочу жить в этом противном городишке!.. Я не хочу встречаться с этим противным аптекарем!.. Я не хочу спать в этом противном, старом домишке!.. Я хочу домой, милый мой Стив!

— Ну, ну, женушка, — ласково произнес Попф, подсев к ней на кровать, — ну, не плачь. Право же, все будет хорошо... Мы здесь чудесно и совсем незаметно проведем годик... другой...

— Годик-другой? — еще горше заплакала Береника. — Ты же обещал, что не более года!

— Может быть, даже меньше года, — задумчиво сказал Попф. — Дело, кажется, идет хорошо.

— И тогда мы вернемся домой?

— И еще как вернемся! С триумфом! Во всех газетах фотографии: «Госпожа Береника Попф, супруга известного изобретателя, доктора Стифена Попфа». Здорово, а?

— Знаешь что, Стив? — сказала Береника. — Пойдем завтра в театр.

— Придется нам, родная, немножко поскучать, — ответил доктор Попф, ласково поглаживая руки все еще всхлипывающей Береники. — В Бакбуке нет театра. Семь кинематографов и презабавный музей восковых фигур. Хочешь, пойдем завтра в музей восковых фигур?

Глава четвертая,

*о вдове Гарго, ее сыновьях
и первом визите доктора Попфа*

Рано утром Попфа разбудил сильный стук. Доктор высунулся из раскрытого окна и увидел темноволосую высокую женщину лет под сорок, барабанившую в дверь.

— Вы новый доктор? — спросила женщина. — Ради бога! Моему мальчику очень плохо.

— Вот видишь, старушка, как здорово! — сказал доктор своей супруге, торопливо одеваясь. — Еще суток не прошло, а я уже имею практику.

— Желаю тебе удачи, Стив, — пробормотала сквозь сон Береника, чмокнула его в щеку, повернулась на другой бок и немедленно заснула вновь.

Через несколько минут вдова Гарго — так назвала себя женщина, поднявшая на ноги доктора в этот час, — привела его в свое более чем скромное жилище. Пока они шли, вдова успела рассказать доктору, как ей сейчас худо живется, и как замечательно было при жизни ее покойного мужа, и какой он был чудесный человек, превосходный механик, поистине золотые руки, и как он всегда прекрасно зарабатывал, и как любил ее и обоих детей! Слава богу, добрые господа из приходского совета помогли ей устроить маленького Педро в сиротский дом! Это так милосердно с их стороны, потому что ведь у Педро все-таки есть мать, а в сиротский дом принимают только круглых сирот. Теперь она два раза в год ездит к нему в гости, чтобы он не забывал о том, что у него есть мать, и чтобы она могла поласкать своего бедного сыночка, который как две капли воды похож на своего покойного отца. Уж, кажется, как ей плохо жилось, дальше некуда, а вот сейчас ко всему еще заболел ее старший сын Игнац, у него появилась красная сыпь, и если это скарлатина, то они совсем пропали, потому что ни одна хозяйка не даст ей больше стирать белье, боясь заразы.

Небольшая комната, в которой лежал Игнац, была залита солнцем, и от этого еще резче выступала чисто плотная нищета ее убранства. Только большая фотография хорошо одетого веселого молодого человека, висевшая на стене в богатой золоченой раме, да блестящая эмалью и никелем стиральная машина в соседней комнате говорили о том, что семья Гарго знала лучшие времена.

Попф подошел к мальчику. Больной даже не оглянулся на звук его шагов. Он смотрел вверх, на унылый, давно не беленный потолок, безразличным и неподвижным взглядом

умирающего. Попфа поразила худоба мальчика. Красная сыпь покрывала его лицо так густо, что издали оно казалось загоревшим.

— Здравствуй, Игнац, — промолвил доктор, но мальчик только вяло перевел свой взор на него и, ничего не ответив, отвернулся.

— Чего же ты не отвечаешь доктору, Игнац? — торопливо сказала ему вдова Гарго. — Скажи: «Здравствуйте». Игнац, ведь это доктор. Он тебя вылечит. Это очень хороший доктор.

— Здравствуйте, — промолвил мальчик таким слабым и тонким голоском, что его мать не выдержала и расплакалась.

— А теперь мы тебя, молодой человек, осмотрим, — сказал Попф.

Полость рта оказалась вся в кровоточащих язвах. Попф приподнял голову мальчика и увидел на его затылке то, чего ожидал: два больших медно-красных пятна, соединенных между собой в виде бабочки.

— Вы можете, госпожа Гарго, спокойно принимать белье в стирку, — промолвил он, бережно опустив голову Игнаца на подушку, — эта болезнь богатым не передается. Она вообще никому не передается: это болезнь бедняков. Вы слышали про такую болезнь — пеллагра?

Госпожа Гарго не знала, что такое пеллагра, и в этом не было ничего странного, потому что и врачи в Бакбуке вряд ли имели о ней хоть сколько-нибудь точное представление.

Попф взял с подоконника несколько пузырьков с разноцветными сигнатурками и раздраженно поставил их снова на место: эти лекарства помогали против пеллагры не в большей мере, нежели против землетрясения.

— Прежде всего выбросьте ко всем чертям эти пузырьки, — сказал он вдове Гарго, и та снова заплакала: ей было горько слышать, что она зря истратила такую уйму денег. — Мальчику нужны не лекарства, а свежее мясо и молоко.

Потом он послал ее за сухими дрожжами и велел давать их по две столовые ложки в день. Вдове Гарго было странно, что он не прописал никаких рецептов; какой же это доктор, если он не прописывает рецепты! Она позволила себе попросить, чтобы он все же что-нибудь прописал, и тогда доктор стал кричать на нее, что он лучше знает, что надо в таких случаях делать. Хорошо, что он вовремя заметил, в чем дело, а то эти коновалы своими идиотскими рецептами довели бы мальчика до сумасшествия и могилы.

Он прекрасно сознавал, что по меньшей мере свинство орать на эту несчастную женщину, которую морочили невежественные врачи, но не мог себя сдержать — так ему стало не по себе, когда он увидел воочию ужасающую картину болезни, о которой до сих пор только читал в медицинских журналах.

Он показал госпоже Гарго, как нужно давать больному дрожжи, и попросил сообщать ему, как проходит болезнь.

На прощание он пожал ей руку и почувствовал в своей ладони горсть серебряных монет.

— Ни в коем случае, — снова рассердился он, — они вам пригодятся на молоко. И, пожалуйста, не уговаривайте!

Но вдова Гарго сказала, что она никогда не простила бы себе, если бы доктор ушел без гонорара. Неизвестно, чем кончился бы этот неприятный для обеих сторон спор, но Попф услышал доносившийся из-под кровати пронзительный писк.

— Вероятно, снова попалась крыса, — объяснила извиняющимся тоном госпожа Гарго. — Когда-нибудь они нас просто загрызут!

— Заверните мне, пожалуйста, мышеловку вместе с крысой в газету, — обрадовался доктор, — мне очень нужны крысы. Пусть это будет моим гонораром. Через полчаса можете прийти за клеткой.

И он ушел с мышеловкой в руке. Когда он вернулся домой, все еще не вставшая Береника сонно раскрыла глаза:

— Ну как, Стив?

— Прекрасно, — ответил доктор Попф, — первые три кентавра, заработанные в Бакбуке.

Он показал трехкентавровую бумажку, которая уже добрую неделю лежала в его бумажнике. Он не хотел расстраивать Беренику. Она расценила бы этот бесплатный визит как плохую примету. Кроме того, и сам доктор Попф чуточку верил в добрые и дурные предзнаменования.

Глава пятая,

*из которой как будто следует, что приметы
не всегда обманывают*

В тот же день аптекарь Бамболи любезно помог своему новому соседу достать несколько крыс и морских свинок по очень сходной цене. До поздней ночи Попф провозился, устраивая в чулане рядом с кухней лабораторию. Озабоченно мурлыча себе под нос какую-то модную песенку и, кстати сказать, безбожно перевирая ее, он с грохотом передвигал столы, заколачивал гвозди в дощатую перегородку и был так доволен, что даже не заметил, что за весь день в двери его дома не постучался ни один пациент. Впрочем, в этом не увидел бы ничего тревожного даже самый мнительный врач. Ведь не все еще знали в Бакбуке, что в городе обосновался новый доктор. А если и знали, то ожидали, чтобы кто-нибудь другой пригласил его первый, а уж потом посмотрим, стоит ли пользоваться его услугами.

Доктор Попф прекрасно понимал это, несколько не беспокоился и в ожидании будущих пациентов с головой окунулся в работу, ради которой он, собственно, и поехал в эту дыру.

Тут наступает время несколько дополнить сообщение, сделанное им о себе аптекарю Бамболи. «Кое-какая исследовательская работа», о которой доктор Попф не только из скромности, но также из осторожности сообщил своему лю-